

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЧЕТВЕРТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ШКОЛА
МОЛОДЫХ ВОСТОКОВЕДОВ

(г.Иваново, февраль 1987 г.)

ТЕЗИСЫ

Том III

Языкознание

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Ответственные редакторы:

В.И. ПОДЛЕССКАЯ
С.В. ВОЛКОВ

Ф.И. Абдуллаева

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЛАХОРСКОГО ТАФСИРА

1. Лахорский тафсир (далее ЛТ), изданный в факсимиле (Тегеран, 1965), относится к кругу письменных памятников ранней персидско-дари-таджикской внелитературной прозы, описанных в монографии Лазара (Париж, 1963). Употребление части этой лексики в литературе классического периода проиллюстрировано цитатами и ссылками Геваки в осуществленном им печатном издании ЛТ (Тегеран, 1971).

2. ЛТ - двуязычное сочинение. Его первым языком является арабский, вторым - персидский. Притчи (в количестве 19), составляющие большую часть текста, рассказаны только по-персидски. Они, как представляется, отражают живую, оригинальную и самобытную речь, которая в диалектологическом отношении содержит черты, сближающие ее с дари-таджикским языковым ареалом. Минов (1965) отнес ЛТ к территории Газни, по мнению Маккензи (1971), ЛТ связан с районом по течению Аму-дарьи (Афганистан).

3. В тексте ЛТ засвидетельствована пережиточная форма претерита с местоименной энклитикой в роли субъекта, отмеченная в произведениях X века (Хорн, с. 118; Лазар, с. 257): пурсйд-аш мар-ешан-ра (14.3) - "он спросил у них", буквально: "спрошено им у них". Факт важный для датировки составления текста.

4. Употребление парного инфинитива фиристадан/фиристидан: фиристад (20.12) - "он послал" и фиристидем (20.10) - "мы послали", имеющее давнюю историю, уходящую в среднеперсидский период, удерживается в текстах X-XI вв., см.: Лазар, с. 265.

5. Из двух форм длительного претерита, архаичной с суффиксом -ē и основной с частицей мē-, первая представлена в пределах одной страницы (1) 12 примерами, тогда как вторая - 13 примерами на протяжении 30 страниц ЛТ. Происходит как бы лишь ста-

если они следуют за основами, содержащими морфемому <р>, в определенной позиции выступает морфонема <л>; если же они следуют за основами, не содержащими морфемому <р>, то в составе этих суффиксов в соответствующей позиции употребляется морфонема <р>. Это чередование представлено в пяти морфемах - в глагольных суффиксах <-ра>∞<-ла> "становиться каким-л.", <-рха>∞<-лха> "показывать что-л.", суффиксах отглагольных существительных <-уур>∞<-уул> "орудие или место действия", <-уурИ>∞<-уули> "место действия", а также в падежном суффиксе <-ру>∞<-лу> "директив". Введение особого абстрактного символа для обозначения результата абстракции отождествления членов данного чередования (типа символа R в работе Дж. Стрита) также едва ли может быть оправдано ссылками на экономность описания. Здесь, как и в предыдущем случае, целесообразнее усматривать алломорфическое расщепление вышеуказанных пяти морфем на пары альтернантов - алломорфем, а не диверсификацию "абстрактных единиц" типа R на две фонемы (альтернирующие в составе одной "морфемы").

6. Надежда на то, что использование морфемной транскрипции позволит дать единую абстрактную запись всякой морфемы, из которой автоматически выводимы все альтернанты данной морфемы, оказывается иллюзорной. Введение морфемной транскрипции позволяет "снять" лишь "формально устранимые" чередования. Для описания "формально неустраиваемых" чередований оказывается целесообразным использовать традиционный раннедескриптивистский концептуальный аппарат - составление списка альтернантов данной морфемы и формулировка правил их контекстного распределения.

Куликов Л.И.

О СИСТЕМАХ ЛИЦ В ЯЗЫКАХ НУНГГУБУЙУ И БУРЕРА

В докладе излагаются результаты анализа категории лица (в том числе, системы личных местоимений) в австралийских языках нунггубуйу и бурера, на основании чего предлагается уточнить некоторые исходные принципы описания систем личных местоимений, касающиеся соотношения категорий лица и числа.

Прежде всего, зафиксируем терминологию. Объекты (люди, предметы), для обозначения которых используется то или иное лич-

ное местоимение, будем называть участниками ситуации. К участникам ситуации относятся, помимо говорящего (Г) и слушающего (С), объекты, не являющиеся ни Г, ни С (3-е лицо), которые можно назвать, например, "посторонними" (П). Если данное личное местоимение (соответствующее некоторой граммеме X категории лица, или, коротко, просто лицу X) служит для обозначения участников ситуации А, В, ..., будем говорить, что А, В, ... входят в состав лица X. Если в состав лица входит несколько участников ситуации одного вида, например, два С, более двух С, будем обозначать это как C^2 , $C^{>2}$ и т.п.

В языках нунггубуйу¹ и бурера² система личных местоимений описывается с помощью категории лица, представленной I, 2 и 3 лицами, причем для I лица противопоставлены эксклюзивная и инклюзивная формы; и категории числа, представленной единственным, двойственным, тройственным и множественным числами³. Реально, однако, представлены не все $4 \times 4 = 16$ возможных комбинаций, а только 12, см. табл. I (неперечеркнутые клетки соответствуют реально представленным комбинациям, для каждой из которых указано, какие участники ситуации обозначаются соответствующей формой).

		число				
		ед.	дв.	тр.	мн.	
л	I	экс.	Г	Г + П	Г + П	Г + П ^{>1}
		ин.	Г	Г + С	Г + С + (С или П)	Г + С + (С и/или П) ^{>1}
ц	2	С	C^2	С	С	С ^{>2}
	3	П	P^2	П	П	П ^{>2}

Таблица I

Такое описание нельзя признать удовлетворительным. Настоятельно требует, например, то, что тр. число противопоставлено другим числам только для I лица ин.⁴ Мы попытаемся устранить этот и некоторые другие недостатки, построив другое описание. На формальном уровне наша задача сводится к следующему: перестроить табл. I так, чтобы не было перечеркнутых клеток (= нереализованных возможностей). Опять же на формальном уровне решение этой задачи не составляет труда: достаточно, например, сдвинуть влево вторую и

третью (т.е. соответствующие дв. и тр. числам) клетки строки "I лицо ин." и затем вычеркнуть столбец "тр." Проблема заключается в том, как содержательно проинтерпретировать перестройку входа таблицы. Мы предлагаем следующее решение этой проблемы:

1. Система лиц в нунггубуу и бурера описывается с помощью двух категорий, которые следовало бы назвать, например, обобщенным лицом и обобщенным числом - чтобы отличить от категорий лица и числа в существующих описаниях; для краткости будем говорить о категории Лица и категории Числа.

2. Категория Лица представлена четырьмя граммемами, которые описываются в терминах двух бинарных признаков: "+/- вхождение Г в состав Лица" и "+/- вхождение С в состав Лица", см. табл. 2 (в каждой клетке приводится название грамлемы и ее семантическая интерпретация):

		+/- вхождение С в состав Лица	
		+	-
+/- вхождение Г в состав Лица	+	Г, С > I и, возможно, П > I, 2 Лицо	I Лицо Г и, возможно, П > I, 3 Лицо
	-	С > I и, возможно, П > I	П > I

Таблица 2

Заметим, что в нашем описании вводится грамлема I+2 Лицо, и необходимость в особой категории эксклюзивности/инклюзивности отпадает.

3. Категория Числа представлена тремя граммемами: ед., дв., мн. правила определения граммем - следующие: для каждого Лица определяется набор участников ситуации, который будем называть ядром Лица (топик в терминологии К.Глазгов): для I Лица - Г, для 2-го - С, для I+2-го - Г и С, для 3-го - П (таким образом, ядром Лица является набор участников ситуации, который можно было бы назвать минимальным: удалив любой из элементов такого набора из состава данного Лица, получим другое Лицо; например, удалив С из состава I+2 Лица, получим I Лицо); ядро Лица рассматривается как единый объект; счет прочих участников ситуации, входящих в состав Лица, ведется обычным образом. Отличие от обычной категории числа проявляется в том, что объектам Г+С, Г+С+П, Г+С² приписываются соответственно граммемы Числа ед., дв., дв.

Полученное описание представлено в табл. 3 (в верхней строке каждой клетки приводится форма номинатива личного местоимения бурера, в нижней строке - соответствующий тому же Лицу и Числу личный префикс глагола нунггубуу):

		Ч и с л о		
		ед.	дв.	мн.
I	I	ng-auppa pa-	ng-atippa ni-ni-	ng-aupudippa pu-ru-
	I + 2	ng-adippa na-	ng-atippa ni-ri-	ng-aupudippa pu-ru-
II	2	ngi-nyippa nu-	ana-kotippa ni-ni-	ana-koypudippa pu-ru-
	3	nippa ni-	putippa wi-ni-	pudippa wu-ru-

Таблица 3

Проанализированные выше системы личных местоимений (и лиц вообще) интересны тем, что могут потребовать некоторых поправок к универсалиям для категории лица⁵. При описании категории числа в системе личных местоимений в тех случаях, когда реальное число объектов не будет соответствовать грамматическому числу (ср. I+2 Лицо в нунггубуу и бурера), возможно, потребуется ввести специальный промежуточный уровень обобщенного числа.

П р и м е ч а н и я

1. См.: Hughes E. J., Healey A. The Nunggubuyu Verb. - In: Papers on the languages of Australian aboriginals. Canberra, 1971.

2. См.: Glasgow K. Four principal contrasts in Burera personal pronouns. - In: Papers on the languages of the Australian aborigines. Canberra, 1964.

3. Чтобы упростить задачу, мы не анализируем категорию согласовательного класса, рассматривая, в случае необходимости, только те местоимения, которые представляют какой-либо один из классов.

4. К.Глазгов также стремится устранить этот недостаток, но предлагает решение, несколько отличное от нашего, см. цит. соч., с.109-110.

5. См., напр.: Соколовская Н.К. Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений. - В кн.: Теория и типология местоимений. М., 1980.

Латышева А.Н.

К ТИПОЛОГИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Данная работа опирается на типологические исследования М.И.Черемисиной и А.А.Холодовича (см., например, /1/, /2/). В основе этих исследований лежит удачное определение понятия сложного предложения (к числу сложных относятся предложения с причастными или деепричастными оборотами, но только те, в которых такой оборот имеет свой собственный субъект, отличный от субъекта, выраженного подлежащим). В указанных работах анализируются два типа строения сложного предложения: "европейский" и "алтайский". По мнению М.И.Черемисиной, важная отличительная особенность сложных предложений, типичных для алтайских языков, состоит в том, что словоформа, называющая предикативный признак в составе зависимой предикативной единицы, одновременно выражает и факт синтаксического подчинения, и содержательный характер связи данной предикативной единицы с главной частью.

Можно показать однако, что основная особенность европейского и алтайского типов строения сложного предложения связана только с кодированием функции синтаксического подчинения, а выделение основных направлений в "технике" кодирования смысловой связи между предикатами приводит к выделению интересных классов предложений внутри "европейского" и "алтайского".

Материалом исследования послужили сложные предложения монгольского, бурятского и корейского языков. для анализа были отобраны те предложения, которые выражают различные обстоятельственные значения (условные, временные и т.п.).

Будем исходить из того, что при построении условного (временного, причинного) предложения должны быть выражены четыре элемента: основной предикат синтаксически зависимой части (P_1), основной предикат главной части (P_2), функция синтаксического подчинения (обозначим ее через "х") и смысловой характер связи ("у"). Кроме этого, введем еще два обозначения: х/у - два эле-

мента выражены одной и той же морфемой, Р-х-у - указанные элементы выражены разными морфемами в составе одной словоформы.

Если принять такие обозначения, то строение сложного предложения корейского языка с деепричастием в зависимой части, можно описать такой схемой: P_1 -х/у P_2 ¹. Эта схема строения сложного предложения типична для алтайских языков. для сравнения отметим, что, скажем, условное предложение в русском языке "Если он придет, пойдем в кино" имеет такую схему строения: P_1 х/у P_2 .

Если сравнить полученные схемы и продолжить чисто теоретические рассуждения, то можно предположить существование трех классов сложных предложений "внутри" алтайского типа. То же самое утверждение можно сделать и в отношении предложений европейского типа строения. "Теоретически" получаются следующие шесть моделей:

Разновидность	Ⅰ	Ⅱ	Ⅲ
Основной тип			
Алтайский тип	P_1 -х/у P_2	P_1 -х-у P_2	P_1 -х у P_2
Европейский тип	P_1 х/у P_2	P_1 х-у P_2	P_1 х у P_2

Сделаем пояснение к таблице. Общим для всех схем алтайского типа является то, что факт синтаксического подчинения (х) выражается той же словоформой, что и предикат P_1 . (В европейском типе они везде выражены разными словоформами.) Разновидности внутри этих типов связаны с особенностью кодирования смысловой связи между предикатами (у): она может быть выражена той самой морфемой, что и функция синтаксического подчинения (1), отдельной морфемой, но в составе той же словоформы, которая выражает синтаксическое подчинение (11), отдельной словоформой.

Исчисление теоретически возможных моделей еще ничего не сообщает о том, какие из них фактически встречаются в языках. Особенно странной кажется на первый взгляд третья разновидность сложных предложений обоих типов. Приведем примеры, показывающие, что такие предложения реально существуют.

1) Модель А-III встречается, например, в бурятском языке.